

Орловский поэт Евгений Сокол (1893–1939) был истинным певцом революции. Он входил в круг друзей Сергея Есенина, опубликовал воспоминания о нём. Несмотря на то, что в музее И. С. Тургенева в Орле имеется обширный личный фонд Сокола, на протяжении многих лет биографические сведения о нём остаются достаточно скудными и неполными. Проведённое исследование позволило не только уточнить ряд моментов в биографии поэта, но и обнаружить новые, ранее неизвестные факты.

Евгений Григорьевич Соколов родился в городе Болхове Орловской губернии. В советское время его социальное происхождение указывалось в обобщённом виде: «родился в семье мелкого служащего», «отец – секретарь уездного съезда мировых судей». Конечно же, неискушённый читатель мог понять из этой формулировки только то, что Соколов-старший изредка (насколько часто собирались в уезде съезды?) выполнял некую общественную роль, сопоставимую с

миссией Афанасия Фета – мирового судьи соседнего, Мценского уезда.

Однако обращение к официальной информации (например, к «Памятным книжкам Орловской губернии») показывает, что Соколов-старший занимал куда более заметное место в провинциальной иерархии. В год рождения сына Евгения Григорий Иванович Соколов служил секретарём судебного присутствия, имел чин коллежского секретаря, был гласным Болховской городской думы. В семье Соколовых было семеро детей, и всем отец обеспечил возможность получить хорошее образование. Так, например, Евгений учился во 2-й Орловской гимназии. В 17 лет поступил на землеустроительные курсы в Петербурге, но вскоре охладел к будущей профессии. С началом мировой войны Евгений Соколов добровольно уходит в армию.

Вольноопределяющимся с осени 1915 года он служил в запасном пехотном полку в Пензе. Весной 1916 года отправился на

фронт, но вскоре получил тяжёлую контузию. Летом приехал в отпуск для лечения в Болхов, несколько недель провёл у родственников в селе Войново, где написал много лирических стихов. А с осени 1916 года служил в запасном полку в Орле.

Военные годы стали временем становления Евгения Соколова как поэта. Под «прозрачным» псевдонимом Сокол печатается не только в «Орловском вестнике», но и в газетах «Рязанская жизнь», «Чернозём» (Пенза), журналах «Полночь», «Жизнь», «Огниво», «Оса», «Ежемесячный журнал». Увы, большинство этих изданий в силу обстоятельств военного времени оказалось недолговечно и не могло стать прочной трибуной для начинающего поэта. Так, еженедельный художественно-литературный и юмористический журнал «Оса» (издатель А.С. Грузинский-Лазарев) выходил в Москве с 1909 до конца 1914 года. Журнал «Полночь» издавался в Петербурге (Петрограде), его предшественником был ежемесячник «Шансонетка», получивший новое название в связи с началом мировой войны. Редактор-издатель Е.М. Козловская-Огинская (её подпись стоит на сохранившемся билете (удостоверении) сотрудника журнала Е. Соколова, действительном по 1 января 1917 года). Последний номер вышел в мае 1916 года. Казанский литературно-художественный и общественно-политический журнал левого направления «Жизнь» (издатели Н.А. Скворцов и Н.А. Ильин) закрылся в июле 1915 года. Журнал «Огниво» (Москва, редактор-издатель С.П. Бартен) прекратил издание в том же году. Войну и революцию пережил только «Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни» (Петербург-Петроград, издатель В.С. Миролюбов).

Февральская революция позволила Соколу вырваться из солдатских рядов. Его революционные стихи публикуются в ор-

ловских «Известиях Совета рабочих депутатов», в уездных газетах. Он писал тогда:

*Только первые залпы боев отзвучали,
Ещё много и бурь и борьбы.
Разве можно, чтоб сразу тебя осознали
Вековые рабы?*

*Много сил ещё нужно для полной победы
Над давившим издревле нас злом,
Слишком пали глубоко душой наши деды
В своём сне вековым...*

И ещё одно его стихотворение:

*Прошлое кошмарно. Прошлое нам стыдно.
В прошлом – кандалы, и плети, и позор.
В прошлом света солнца не было нам видно
В то, что оно было вечный нам укор.*

*Красные знамёна вьются над толпою,
Робость в нас сжигая яркостью своей.
Мы дождались новых искромётных дней,
Радостных, как первый мощный гром весною
Над безмолвьем сонным оживших полей.*

Как указывал Евгений Сокол в одной из анкет начала 1920-х годов, «после Октябрьского переворота печатался в «Орловских известиях», «Известиях ВЦИК», в журналах «Творчество» (Москва), «Пламя» (Петроград) и во всех орловских изданиях». В воспоминаниях «Винтовка и перо» рассказывал о незабываемом дне 15 февраля 1918 года, когда в губернском центре вышел первый номер новой, советской газеты: «Это было на Сретенье, когда архиерей по предписанию патриарха Тихона шёл по Орлу с крестным ходом и служил на всех перекрестках молебны о «ниспровержении большевиков». Я помню возбуждённую толпу барынь и купечества, проходившую мимо окон губернской типографии, где мы, пять или шесть сотрудников советской газеты, сидели на кипах свежего номера и смотрели в окна на крестный ход. В редакции в каждом углу стояли наши винтовки,

и на входные двери был направлен пулемет. Мы чувствовали отношение к нам, мы видели, какие взгляды бросали люди, проходившие в архиерейской толпе, на наши окна, мы видели, как давали подзатыльники люди в бобрах и в офицерских погонах мальчишкам, продававшим нашу газету».

В архивном фонде Е. Сокола в музее И.С. Тургенева среди десятков различных удостоверений и мандатов имеется мандат о том, что Сокол с 1 апреля 1918 года был членом следственной комиссии по делу епархиального съезда. Предыстория появления столь экзотического силового органа такова. 14 марта 1918 года в Орле должен был открыться епархиальный съезд духовенства и мирян. За пять дней до съезда консисторией было отправлено заявление губернскому комиссару о разрешении, но до самого последнего момента ответа не было. К 12 часам в здании Петропавловского братства собралось около 50 членов съезда. В начале 2-го часа дня в помещение Братства прибыл товарищ председателя исполнительного комитета Совета Аронов с отрядом вооруженных матросов. Все собравшиеся были задержаны и подвергнуты обыску. После обыска был произведен арест видных церковных деятелей. Были арестованы несколько протоиереев (в том числе отец будущего авиаконструктора Н. Поликарпов) и священников, редактор «Орловских епархиальных ведомостей», староста орловской Иверской церкви. Арестованные, пробыв неделю в тюрьме, были освобождены 21 марта с подпиской о невыезде.

Евгений Сокол призывал орловских читателей:

*Побольше бодрости и песен!
Поменьше скорби и сомнений!
Стряхнём с себя и пыль, и плесень
И затхлость сотен поколений.*

*Горите пламенной жары!
Горите яркими огнями!
Сожжём с собою всё, что старо,
Всё, что не искрится, как пламя!*

А вот строки из его поэмы «Русь»:

*Снова верится в бурность и в силы,
В то, что Русь не лишай,
Не гнилое болото,
Не гнилой, заражённый туман,
Что она оживёт,
Что придёт ещё что-то...
А потом и растопится лёд,
И наступит весна,
И луга станут ярким ковром,
И журчливой речная волна,
И рокочуще-ласковым гром.
- Эй, вставай!
Мы зовём.
- Зажигай!
Зажигай обновлённое пламя.
Через обломки и дым,
Через бури и гром,
Приходи к лучезарным победам!
Эй, вставай!
Знай:
Конец твоим мукам и бедам!
Нет царя и раба –
Каждый сам себе царь.
И не так будет, как встарь;
Что рабочим приют был изба
Вся в щелях, вся в дырах,
А богач жил привольно в дворце...
Мы ревели, мы звали.
И голодные люди вставали,
Выходили,
И толпами за нами поплыли
По бурливым и тёмным полям.*

*Шли к дворцам,
Шли к церквям
И ломились в закрытые двери,
Твёрдо веря
В победу и волю.*

Мы ломали запоры,
Мы сметали в пути своём горы,
И с церковей золотые кресты
С диким хохотом в злобе срывали.

Мы мстили
Всем, кто нас угнетали,
Что нас в тюрьмах томили,
Кто, пируя, голодных нас гнал.
Кто в Сибирь нас ссылал за мечту
и свободу,
Кто под пули идти заставлял
На народы – народы.

Слушай: новое время настало.
Нет раба. Нет царя.
Занялася заря.
Нет тюрьмы. Нет оков.
Нас не давят церковные своды.
Мы рассеяли ужас удушливых снов.
И другие народы
За собою к свободе зовём,
И над миром, над дряхлым и скучным,
С гимном радостным, мощным и звучным
Наше красное знамя несём.
Мы – весны благодатной предтечи.
Первый радостный гром,
В мире первые речи
О свободе, не сдавленной кем-то петлёй,
Не пронзённой штыком.
Русь моя, мы разбудим рабов,
Русь, мы свергнем царей и рабов!
Мы – набат над землёю...

Свобода!
Рождённое тьмой
И рабством постыдным народа –
Всё это уж там, за кормой.
В грядущем – свобода... Свобода!
И радостно пенятся воды,
И радостно грозен прибой,
И радостен бой.
С позорным наследьем былого
Во имя великого слова,
Проникшего в сердце народа:
– Свобода...

Борис Волин не только охотно предоставляет поэту-журналисту возможность печататься, но и активно продвигает его в руководящие органы. 24 мая 1919 года состоялось совещание местных газетчиков, на котором было решено создать в Орле Союз Советских журналистов и редакционную коллегию, состоящую исключительно из журналистов-коммунистов (в её состав вошёл и Е. Сокол). Он посвящал стихи коллегам-журналистам. Сергею Зобкову:

За победой – новая победа.
Я ликую в шелесте знамён.
Путь, которого боялись деды,
Уж почти что нами перейдён.

Поэту и журналисту Виончелию Бурчарскому:

Пока народ и тих, и кроток,
Кто встанет за него?
Кто закричит миллионом глоток
О святости его?
Лишь будут петь одни поэты,
Но сможет что поэт?
Одни безумные обеты
И словословные сонеты
Из мёртвости газет...

И нового кубок вина
Подносит воскресшим свобода.

Уже в июне половина членов союза получила редакторские посты, однако Сокола среди редакторов не было... Возможно, на «обойдённость» должностью не стоило обращать внимания, но она стала некоей переломной вехой в журналистской карьере Евгения Сокола. В середине 1919 года, его всё-таки назначили на должность заместителя заведующего губернским агентством «Центропечати». Однако после кратковременной оккупации Орла белогвардейскими частями и последовавшего освобождения города Евгений Сокол уже не был вхож на капитанский мостик большевистской прессы в Орле. Что послужило причиной? Открылась правда о социальном происхождении трибуна революции? Он сам решил оставить журналистику ради поэзии? Возможно, где-то в недрах губкомовского делопроизводства той поры есть точное объяснение данному странному повороту событий. Но факт остаётся фактом: отныне Сокол не входил в состав редколлегий, правлений Союза журналистов и т.д.

Это тем более странно, что в губернии явно не хватало профессиональных газетчиков. Например, губком РКП(б) осенью 1921 года отозвал из окружной военной газеты её секретаря Т.М. Левина и направил его в партийное издание. Тогда же в Орловской губернии была проведена регистрация всех работников печати. Более того, в циркуляре ЦК РКП(б) о периодической печати от 20 февраля 1922 года подчеркивалось: «Считаясь с тем, что кадры журналистов-коммунистов крайне ограничены и что без партийных газетных специалистов партийно-советская печать удовлетворительно поставлена быть не может, Центральный Комитет указывает на необходимость перевода на газетную работу возможно большего количества всех взятых на учет журналистов. Мобилизацию журналистов, хотя бы временную, на негазетную

работу ЦК считает крайне нецелесообразной, ибо газета требует систематической, непрерывной, планомерной работы». В докладе XI Орловскому губернскому съезду Советов о деятельности губернского экономического совещания (1922 год) отмечалось: «Общее положение губернского органа печати до самого последнего времени было крайне неудовлетворительно. Прежде всего, в отношении материальном, а затем в отношении обеспечения работниками... Попытки привлечения квалифицированных газетных работников из центра (Москва, Харьков) не имели успеха».

Итак, газетчиков в Орёл отзывали с военной службы, приглашали из других городов, но Сокол оставался вне печати. Косвенным подтверждением «невостребованности» новым социумом Евгения Сокола служат литературно-критические этюды орловского общественного деятеля и критика С.И. Горowego, опубликованные в сборнике «Зелёный шум» (Орёл, 1922). В статье «Современные орловские пролетарские писатели», являющейся изложением лекции, прочитанной в гарнизонном Доме культуры 11 июня 1920 года, отмечалось: «Т. Селихов, Лукашин, Захаркин, Шевляков - вот кто входит в эту группу. Все они – подлинные пролетарии и по своему происхождению, и по складу своих понятий». Как видим, недавнему певцу революции Соколу места в плеяде пролетарских литераторов не нашлось. Зато о нём Горовой рассказывает в статье «Орловские поэты», где речь идёт только о двух земляках – Иосифе Каллиникове и Евгении Соколе. Статья представляет собой изложение лекции, прочитанной в гимназии Гиттерман 20 января 1918 года, соответственно, рассматриваются лишь стихи Сокола из книги «Триолеты и Мадригалы» (Орёл, 1917). Горовой пишет: «Сокол допускает несуществующие на русском языке слова и формы – «незабывчивый», «предбудь», а

порою употребляет формы, напоминающие собою речь иностранца – вероятно, в погоне за размером и рифмой. Грубовато выражение «убивая обидным хлыстом нашу тихую нежность». В общем же стихотворения Сокола, несомненно, талантливы, богаты фантазией и уносят с собой в царство мечты и грёзы. Любовь – господствующая тема его стихов. Поэт чувствует её тонко, изысканно, несколько, пожалуй, жеманно – во вкусе средневековых трубадуров и напудренных маркиз XVIII века».

Характерно, что эти слова были не только произнесены в январе 1918 года, но и повторены в 1922 году в официальном губернском литературном альманахе: никаких иных оценок творчеству Евгения Сокола здесь дано не было. В одном из писем в музей И.С. Тургенева его брата Г.Г. Соколова возникшая невостробованность недавно глшатаая революции в большевистской печати объясняется, по сути, тем, что Евгений Сокол был занят на других ключевых постах провинциальной иерархии: «С 1920 года возглавлял губернское правление профсоюза работников искусств, в 1922 – 1923 гг. – заведующий губернским архивом». Однако обращение к архивным источникам показывает, что занимаемые Соколом в то время должности вряд ли могли служить причиной его неучастия в партийной журналистике. Так, в удостоверении губернского отдела Всероссийского профсоюза работников искусств, датированном 7 февраля 1920 года, перечислены должности Сокола: член правления; товарищ председателя; заведующий культурно-просветительским отделом Орловского губотдела. А уже 10 июля 1920 года президиум данного профсоюза «командировал» Сокола в губернский отдел народного образования для заведования театральной секцией внешнего подотдела.

Заведывание секцией в некоем подотде-

ле... Работа была явно не по размаху идей и энергии поэта-журналиста. Получив в придачу символические посты учёного секретаря коллегии губернского отдела народного образования и секретаря «Известий губздравотдела» (вышел в свет всего один выпуск журнала), он, по примеру коллег-журналистов, пытается провести перепись в губернии всех «литературных работников», самостоятельно разрабатывает для этого пространную анкету и заполняет первый экземпляр. Очевидно, что инициируемая Соколом под эгидой Литсекции художественного подотдела Губполитпросвета перепись была прелюдией к подготовке губернского съезда писателей.

Заполненная им анкета сохранилась в музее И.С. Тургенева. Не акцентируя внимания на формальных графах, обратим внимание лишь на некоторые. Строка «Где печатается теперь». Ответ: «нигде». Пояснение: «за отсутствием изданий число литературного характера». Строка «Наиболее близок (на выбор: акмеизм, пролеткульт, имажинизм, импрессионизм)». Сокол вписывает: «символизм». Указывает, что состоит в московских кружках «Звено», «Литературный особняк», член Всероссийского союза поэтов (примечательно, что в архиве сохранился ряд документов, свидетельствующих о поездках Сокола в Москву в первые послереволюционные годы с целью «выбить средства», «получить одежду», «доставить архивные документы» и т.д.). Строка «Взгляд на современную литературу». Ответ: «современный литературный упадок ликвидируется несоро, когда начнётся строительство».

В то время Сокол был «членом-посетителем» Тургеневского литературного общества, а в членской книжке Всероссийского профсоюза работников искусств в графе специальность написал: «поэзия, истор. лит.». Он выступает с инициативой создать

в Орле музей революции (вариант: музей печати революции). Так, в личной карточке участника одного из губернских съездов 2 марта 1921 года в графе «должность» Сокол написал: «организация музея революционной печати». В записке заведующему губернским музеем П.С. Ткачевскому ставит вопрос максимально остро: «Всё, что изда­но было в Орле до прихода белых, погибло бесследно, и не только листовок, плакатов, воззваний, нигде нет даже комплекта газет, без которых составление революционной истории Орла почти невозможно. Об уезд­ных городах и говорить не приходится. Всё это указывает на недостаточно хорошую организацию музейного дела в Орле, и уч­реждение специального музея революции в губернском масштабе заставляет выдвиг­нуть в первую очередь».

1 октября 1921 года Губполитпросвет назначает его заведовать организуемым музеем имени Октябрьской революции. В январе следующего года Сокол входит в состав комиссии по ревизии губернских му­зеев и архива. По всей видимости, комиссия посчитала прежнюю работу музейщиков и архивистов недостаточной: сохранилась выписка из протокола Губернского отдела народного образования от 1 февраля 1922 года с поручением Соколу организовать в Орле музей Октябрьской революции.

Однако попытки поэта развить кипучую деятельность на музейной ниве неожиданно прервалась. Уже в следующем, 1923 году, не осуществив ни одного из своих замыслов (музей, съезд литераторов и т.д.), он навсегда покидает родной Орёл и уезжает в Москву.

В официальных биографиях Евгения Сокола московский период обычно описы­вается схематично: «приехал в столицу в 1923 году, был секретарём Всероссийского союза поэтов, работал в журнале «Безбожник», там же в 1928 году вышла книга

рассказов «По стопам отцов», занимался переводами».

На самом деле эти полтора десятка лет куда более насыщены событиями, обстоя­тельствами, реалиями. Известно, что ещё в первые революционные годы он познако­мился в Орле Зинаидой Райх, женой Сергея Есенина. По всей вероятности, именно она познакомила его с Сергеем Есениным. Они стали друзьями, знали и ценили творчество друг друга. О дружбе Есенина с Соколом свидетельствуют дарственные надписи по­эта на книге «Сельский часослов» (1918): «Евгению Соколу Любящий С. Есенин. 1919»; на сборнике «Явь» (1919): «Евгению Соколу Дружески Сергей Есенин. 28 сент. 1920»; на книгах «Преображение» (1921): «Соколу Евгению с любовью С. Есенин. 1921» и «Пугачёв» (1922): «Терпи Сокол, Свобода – о кол! С. Есенин. 1922».

Сокол неоднократно встречался с Есе­ниным, возвратившимся из зарубежной поездки с Айседорой Дункан в Европу и Америку. В одну из встреч на листе блок­нота Есенин для Сокола записал несколько строк из стихотворения «Мне осталась одна забава...» с дарственной надписью «Е. Со­колу с любовью и верой. С. Есенин». В 1924 году Есенин написал: «За всё, что минуло, – / Целую в губы / Сокола милого». На кни­ге «Ключи Марии» поэт написал «Сокол, милый, люблю Русь, прости, но в этом я шовинист. С.Е.». На книге «Радуница» даёт совет: «Тех, кто ругает, всыпь им. Милый Сокол, давай навеки за Русь выпьем». При встрече 4 февраля 1924 года на книге «Го­лубень» Есенин написал: «Милому Соколу, ростом не высокому, но с большой душой русской и всё прочее», а на отдельном лист­ке весной того же года оставил автограф: «Милому Соколу с любовью русской, Вели­коросской обязательно. С. Есенин».

Поэты встречались в клубе Дома Герцена на Тверском бульваре, где Е. Сокол работал

секретарём Литературной студии при Всероссийском Союзе поэтов. В ноябре 1925 года Сокол и Есенин были заявлены для участия в литературном вечере «Поэзия наших дней», проводимом Всероссийским союзом поэтов в Политехническом музее. Перед последней поездкой в Ленинград Сокол писал 23 декабря 1925 года: «Дорогой Сергей! Очень прошу тебя выступить на вечере, устраиваемом нашими курсами (литературные курсы Всероссийского союза поэтов)». В сборнике «Памяти Есенина» (М., 1926) Сокол опубликовал мемуары «Одна ночь (Из воспоминаний о С. Есенине)».

Документы из фонда Е. Сокола позволяют не только детально «прорисовать» вехи биографии, но и установить ряд московских адресов поэта, бытовые подробности и т.д. Начнём с адресов. На одном из приглашительных билетов Сокола (январь 1926 года) имеется адрес: ул. Кропоткина, Дурнов пер., д. 10/15. Более конкретную информацию даёт сохранившийся конверт со штемпелем «27 марта 1926 г.»: Дурнов пер., 10/15, кв. 1, комн. 25. Выходит, что приехавший из Орла 33-летний поэт-коммунист поселился в Москве в коммунальной квартире на 25(!) хозяев. А Есенин со второй половины 1925 года жил совсем рядом, в Померанцевом переулке в квартире С.А. Толстой. Он часто встречался с Соколом, однажды увидел в квартире Сокола в Дурнове переулке «Словарь рифм». Есенин не только читал его, но и вносил в словарь свои слова, потом записал шуточное четверостишие: «Я и сам когда-то Сокол / Лоб над рифмами раскокал. / Нет алмазов среди стёкол. / Не ищи вокруг да около». В конце книги кто-то из знакомых Сокола оставил запись: «Учитесь, братья, у Маяковского», на что С. Есенин с озорством приписал: «Ну уж х...!».

Судя по документам 1932 – 1934 гг., Е. Сокол жил уже на Новинском бульваре, д. 21, кв. 18. В этой квартире у него часто соби-

рались литераторы. По традиции все гости Сокола заполняли альбом автографов. Здесь писали свои стихи, эпиграммы, экспромты, дружеские пожелания в адрес хозяина дома. В фондах музея И.С. Тургенева хранятся три таких альбома, где есть подписи А. Белого, Д. Благого, композитора И. Стравинского, многих других выдающихся людей.

Куда разнообразнее официально известного реальный перечень мест работы Евгения Сокола в Москве. Сохранилось, например, удостоверение от 29 сентября 1925 года – секретарь литературно-педагогического совета и лектор Литкурсов Всероссийского Союза поэтов, аналогичное удостоверение от 11 января 1926 года. Согласно удостоверению № 228 от 9 февраля 1926 года – ответственный секретарь Всероссийского Союза поэтов.

Примерно тогда же он занялся составлением сборника материалов о Сергее Есенине, чему есть документальное свидетельство. Приводим текст удостоверения:

«Союз поэтов
Правление
6 января 1926 года
№ 10
Удостоверение

Предъявитель сего член ВСП Е.Г. Сокол уполномочен Правлением названного Союза на собиранье материалов для сборника памяти Сергея Есенина, издаваемого Союзом под редакцией Олега Леонидова, Евгения Сокола и профессора Б.М. Зубакина.

Председатель ВСП Олег Леонидов (за него)

Управляющий делами Кашкина
(печать)».

Нигде прежде не упоминалось, что Евгений Сокол работал в газете «Гудок» в то самое время, когда там трудились Михаил Булгаков, Юрий Олеша, Илья Ильф и Евгений Петров. Музейный документ информативен и красноречив. Откроем удостове-

ние газеты «Гудок» от 10 августа 1926 года: «Дано Е.Г. Соколу в том, что ему поручено редакцией «Гудка» обслуживать судебные процессы. Действительно по 1 сентября 1926 г.». Судя по очень короткой дистанции между двумя указанными датами, это был некий испытательный срок для гудковского новичка Сокола. Однако он вполне справился с новой должностью. Сохранилось «последующее» удостоверение газеты «Гудок»: «тов. Сокол является сотрудником по отделу искусств (зачёркнуто, стало «обслуживает по отделу суда». – А.К.). Редакция просит администрации зрелищных предприятий (последние три слова зачёркнуты. – А.К.) оказывать тов. Соколу возможное содействие в получении материалов. Удостоверение действительно до 1 сентября 1927 года (зачёркнуто – до 31 декабря. – А.К.)». Существует и третье удостоверение, где указано, что Сокол – сотрудник газеты «Гудок» по судебному отделу и по отделу происшествий. Данное удостоверение было выдано 23 марта 1928 года и продлено до 1 октября 1928 года.

После двух с лишним лет работы в газете «Гудок» Евгений Сокол переходит в редакцию, освещавшую деятельность Союза Безбожников СССР. Сохранились удостоверения: литсотрудник газеты и журнала «Безбожник» (24 октября 1928 года), секретарь редакции бюллетеня Пресс-бюро Центрального совета Союза безбожников СССР (18 апреля 1929 года), сотрудник редакции журнала «Безбожник» по судебному отделу (20 мая 1929 года).

В одном из писем в музей И.С. Тургенева брат вспоминал о том, что в последние годы жизни Е.Г. Сокол занимался «переводами с белорусского, немецкого (И. Бехера), переводами кавказских поэтов – Р. Нурова (три стихотворения в сборнике 1936 года), много писал для изданий МОПР». На самом деле, Сокол в то время занимался не

только переводами и статьями для мопровских изданий. Например, с 24 июля 1931 по 22 апреля 1932 года работал в объединённом научно-техническом издательстве, затем был заведующим организационно-массовой секцией в издательстве наглядных пособий, сотрудником журнала «Коммунальное хозяйство». В 1933 году издал серию брошюр по вопросам коммунального хозяйства (шесть книжечек объёмом от 26 до 40 страниц: «Механизация прачечного дела», «Банное хозяйство и строительство», «Производство и монтаж водопроводных и канализационных труб» и т.д.). С апреля 1934 года – корреспондент профсоюзного журнала «Рабочий городского хозяйства».

Столь же неровно, пунктирно выстраивалась в то время его писательская биография. Как уже упоминалось, Сокол был членом Всероссийского союза поэтов, а также действительным членом коллектива поэтов и критиков «Литературный особняк» (удостоверение от 15 января 1924 года), активистом клуба Федерации объединений советских писателей. Сохранился авторский экземпляр соглашения с Узбекским государственным издательством на составление в 1932 году (видимо, к 15-летию Октябрьской революции и 10-летию образования СССР) антологии революционной поэзии: перевести прозой 3000 строк с оплатой 20 копеек за строку, а также провести составительскую работу и подготовить комментарий. Общая сумма договора составила 1040 рублей. Все условия соглашения Сокол выполнил. А вот справка Московского горкома писателей: в июне, августе, сентябре, ноябре и декабре 1933 года Сокол заработка не имел, в октябре заработал 200 рублей. Справка была дана судебному исполнителю Краснопресненского района, аналогичная – в домоуправление. По всей видимости, таким образом поэт отбивался от всевозможных долгов.

Сохранилось датированное 1932 годом

письмо с требованием издательства МОПРа вернуть аванс. В это время Сокол лечился в ночном туберкулёзном санатории, дежурил литературным консультантом в редакции «Комсомольской правды» – один раз в месяц с трёх часов до семи вечера (1932 год). Весьма красноречив пропуск в столовую Союза советских писателей (январь 1934 года). Пропуск обрамлён купонами на каждый день – по сути дела, это была часть карточного довольствия, спасшего недомогавшего писателя от голодной смерти.

Волна репрессий не сразу, но всё же накрыла и Евгения Сокола. Племянник поэта Ю.Н. Соколов писал орловскому библиофилу А.С. Захарову: «Теперь о последних годах Евгения Сокола. Он себя плохо чув-

ствовал, ведь у него был туберкулёз лёгких, да и нога болела. Последний раз я помню его во время похорон моего дедушки (отца матери) на Преображенском кладбище – он был с палкой. В конце 1938 года он был арестован и в 1939 году умер в тюрьме».

В архивном фонде музея И.С. Тургенева хранится фотокопия справки военного трибунала Московского военного округа, датированная 9 декабря 1939 года, о том, что дело в отношении Е.Г. Сокола прекращено за недоказанностью обвинения.

Жизненный путь и творчество Евгения Сокола, его участие в революционной печати, в литературной жизни 1920-х годов ещё ждут вдумчивого и скрупулёзного исследователя.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА!

Алексей Кондратенко. Литературное былое. Издание второе, исправленное. – Орёл: ПФ «Картуш», 2017. – 220 с.

Книга посвящена страницам истории литературы, связанным с Орловским краем и его уроженцами. Очерки посвящены самобытному поэту XVIII века Василию Петрову, сатире Федора Ростопчина, судьбам литераторов Николая Мельгунова, Павла Россиева, литературоведов Александра Кирпичникова и Александра Чудинова. Завершает сборник очерк «Литературная прогулка по Орлу».

Сборник очерков А. Кондратенко «Литературное былое» был издан в Год литературы в России (2015) и заслужил широкое признание читателей. Издание адресовано всем любителям русской словесности.

